

Эрик Сигал

Сценарий счастья

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138831
Сценарий счастья: Роман: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-29015-4

Аннотация

Никогда еще жизнь не ставила Мэттью Хиллера перед таким трудным выбором.

Блестящий врач, талантливый исследователь, он вернул к жизни многих своих пациентов, но бессилён помочь женщине, которая была любовью всей его жизни. Но Сильвия Далессандро безгранично верит, что Мэт сумеет ее спасти и они снова будут вместе.

Еще одна история любви от Эрика Сигала, искренняя и трогательная.

Содержание

Пролог	5
Часть I	8
1	8
2	14
3	18
4	21
5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Эрик Сигал

Сценарий счастья

Erich SEGAL
ONLY LOVE

Copyright © 1997 by Ploys, Inc.

© Издание на русском языке. Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

***Посвящаю Карен, Франческе и Миранде,
единственным, кого я люблю***

*«Лучшие годы нашей жизни проходят сначала в рассуждениях:
«Еще слишком рано», – а затем: «Уже поздно».
Г. Флобер. Письма*

Пролог

Вынужден сделать страшное признание.

Узнав о том, что Сильвия умирает, я не испытал большого отчаяния.

Знаю, это может звучать негуманно, особенно из уст врача. Но я просто не в состоянии думать о ней как о какой-то очередной пациентке. На самом деле, когда мне в первый раз сказали, что после стольких лет она хочет меня видеть, я чуть ли не вообразил, что это жест примирения.

Интересно, что у нее на уме? Может, для Сильвии наше воссоединение – не более чем последняя отчаянная попытка спасти свою жизнь? Или под занавес, в состоянии полной безысходности, она вдруг захотела меня увидеть? Так же сильно, как хочу ее видеть я?

А что тогда ее муж? Если даже предположить такую невероятную вещь, что до сих пор она не говорила ему о наших с ней давнишних отношениях, ей, несомненно, пришлось рассказать ему об этом сейчас.

Однако, что бы ее муж ни чувствовал по этому поводу, он не сможет воспрепятствовать нашей встрече. В конце концов, он из тех, кто привык получать все самое лучшее, а в этой области медицины мне, бесспорно, равных нет.

Сильвия на два года моложе меня, ей всего сорок три. И судя даже по недавним газетным снимкам, она, как и прежде, очень красива. Вся такая лучезарная, такая *живая*... Не может быть, чтобы она была так серьезно больна! Для меня она всегда была воплощением самой жизни.

В первом телефонном разговоре со мной Нико Ринальди – муж Сильвии – был вежлив и официален. Речь идет о его жене, но в голосе нет и намек на эмоции. Напротив, он абсолютно уверен, что я незамедлительно окажусь в его распоряжении.

– У миссис Ринальди опухоль мозга. Вы не могли бы ее посмотреть прямо сейчас?

Несмотря на все его высокомерие, я, однако, улавливаю косвенное признание того, что обладаю некими способностями, которых у него нет. В бизнесе он виртуоз, но с Ангелом Смерти даже ему не торговаться.

И это приносит мне удовлетворение.

Внезапно, будто вдогонку, он с едва заметным надломом в голосе добавляет:

– *Я вас прошу!*

Я обязан был помочь. Им обоим.

* * *

Через час история болезни и рентгеновские снимки уже лежали у меня на столе. Едва за секретаршей закрылась дверь, как я вскрыл конверт, наивно ожидая увидеть там что-то от самой Сильвии.

Но, конечно, там были только снимки ее мозга, сделанные на самой современной аппаратуре. Странно, но раньше мне казалось, что я знаю ее изнутри. Я забыл, что душа – не орган тела. А мозг – не вместилище души. И тут, как врач, я возмутился.

Даже на самых первых снимках было видно новообразование в мозгу. Кто ее консультировал? Я быстро пролистал историю болезни. Стандартно-стерильная медицинская терминология. Больная, белая замужняя женщина в возрасте сорока одного года, обратилась к профессору Луке Винджиано с жалобой на сильные головные боли. Он отнес их на счет эмоционального стресса и прописал новейшие транквилизаторы.

Затем, в нарушение принципа врачебной объективности, профессор позволил себе небольшое наблюдение личного характера. Судя по всему, отметил он, в жизни Сильвии имеется некий источник психологического напряжения. Должно быть, из некоего злорадства я поспешил приписать это ее браку.

Ведь она хоть и появлялась регулярно на фотографиях в обществе мужа (в качестве неотъемлемого украшения), но будто намеренно отводила себе весьма скромную роль – где-то на самой обочине его насыщенной событиями жизни. Нико же, напротив, был куда более публичной персоной. Его мультинациональный гигант, Миланский автомобильный завод (по-итальянски сокращенно – «ФАМА»), являлся не только крупнейшим в Италии производителем автомобилей, но и включал строительное и металлургическое производства, а также страховой и издательский бизнес.

Периодически в прессе появлялись сплетни о его связях с той или иной молодой талантливой особой. Конечно, все изобличающие его фотографии были сделаны на каких-то благотворительных мероприятиях, так что нельзя исключать, что это были не более чем пошлые репортерские домыслы. Но ведь сильные мира сего всегда в центре сплетен. Я в своей области достиг достаточных высот, чтобы знать это не понаслышке.

Правда или нет, но само по себе это предположение было сродни спичке, поднесенной к сухому хворосту моих эмоций. Я решил довериться журналистским инсинуациям и приписал отмеченное ее врачом внутреннее беспокойство интрижкам супруга на стороне.

Я силой заставил себя читать дальше.

Винджиано слишком долго не принимал болезнь Сильвии всерьез, и время было упущено самым преступным образом. Наконец он направил ее в Лондон на консультацию к невропатологу, снабдив письмом, которое начиналось с обращения «сэр» и перечисления всемирно признанных заслуг последнего.

Англичанин обнаружил опухоль, но счел ее уже неоперабельной. И действительно, на этой стадии уже и самый искусный хирург, вооруженный новейшим микрохирургическим инструментом, не мог бы удалить новообразование, не повредив жизненно важных центров. А скорее всего – не убив Сильвию на операционном столе.

И вот я стал для нее последней надеждой. Чувство, признаться, было довольно неловкое. Не спорю, к тому времени разработанный мною метод генно-инженерной терапии в нескольких случаях приводил к уменьшению опухоли. Метод заключался в расшифровке природы генных нарушений на уровне ДНК, коррекции дефектного гена и последующем обратном введении «исправленных» клеток больному.

Тут, впервые в жизни, я начал понимать, почему врачам не рекомендуется лечить своих близких. Иметь дело с кем-то, кто тебе дорог, означает с особой силой сознавать свое несовершенство.

Я не хотел видеть Сильвию в роли своей пациентки.

Не прошло и пятнадцати минут после того как принесли бумаги, как зазвонил телефон.

– Итак, доктор Хиллер, ваше мнение?

– Прошу прощения, но я еще не успел прочесть всю историю болезни.

– А разве ее последних снимков недостаточно, чтобы составить представление?

Он, конечно, был прав. Интересно, он что, хочет, чтобы я не слишком вдавался в подробности ее истории болезни? Может, он боится, что я стану винить его за длительное бездействие? Хотя в каком-то смысле так и было.

– Мистер Ринальди, боюсь, я разделяю мнение вашего лондонского врача. Такого рода опухоли неизлечимы.

– Но ведь ваш метод особенный! – настойчиво возразил он. И сказал то, чего я, кажется, подспудно ждал: – Вы не могли бы ее сегодня же посмотреть?

Я машинально взглянул на настольный календарь. День был расписан под завязку, а в половине пятого у меня был семинар. Зачем было сверяться с календарем, если я заранее знал, что не могу исполнить его просьбу? Если честно, перспектива такой скорой встречи меня даже обрадовала. Значит, не придется провести бессонную ночь в ее ожидании.

– В два часа вам удобно? – предложил я.

Но я, оказывается, недооценил Нико. Следовало бы догадаться, что он не удовольствуется предложенным, а станет торговаться.

– Вообще-то от нашей квартиры до вас всего несколько минут. Мы можем подъехать прямо сейчас.

– Хорошо, – со вздохом уступил я. Надо с этим поскорее закончить.

Через считанные минуты позвонила секретарша и доложила о прибытии мистера и мисс Ринальди.

Сердце у меня часто забилося. Через несколько секунд дверь распахнется – и в кабинет хлынет лавина воспоминаний. И до той минуты, когда я ее увижу, я не смогу дышать.

Первым я увидел его: высокий, импозантный, напряженный. Покатый лоб. Он бросил мрачный кивок в мою сторону и представил жену – как будто мы уже и так не были знакомы!

Я пригляделся к Сильвии. В первый момент мне показалось, что время никак не изменило ее лица. Глаза пылали все тем же черным огнем, хотя она нарочито избегала моего взгляда. Распознать, что у нее на душе, я не мог, но мало-помалу стал замечать какую-то перемену в ее облике.

Возможно, то был всего лишь плод моего воображения, но в ее лице мне почудилась усталость и непонятная печаль, не связанные с болезнью. Наверное, это было выражение человека, живущего не самой счастливой жизнью.

Я неуклюже шагнул вперед и протянул руку ее мужу. А Сильвии тихо сказал:

– Рад тебя снова видеть.

Часть I

Весна 1978 года

1

Местом встречи был Париж. Те из нас, кто выдержит третью степень устрашения и последующую суровую подготовку, будут вознаграждены командировкой в Африку, чтобы с риском для собственной жизни спасать других людей. Если получится. Для меня это была первая поездка на восток от Чикаго.

Самолет прилетал на рассвете. В десяти тысячах футов под крылом оживал великий город – как чувственная красавица в ранних лучах солнца стряхивает с себя ночную негу.

Через час, получив багаж, я уже ехал на метро в самый центр Сен-Жермен де Пре. Район оглашали звуки оживленного утреннего движения – я бы назвал их «музыкой асфальта».

Я нервно взглянул на часы. Оставалось всего пятнадцать минут. В последний раз сверившись с картой города, я как безумный помчался бегом в штаб-квартиру организации «Медсин Интернасьональ». Это оказалась склеротичная архитектурная древность на улице Сен-Пэр.

Я прибежал весь взмыленный, но все-таки успел.

– Присаживайтесь, доктор Хиллер.

Франсуа Пелетье, ехидный Великий Инквизитор, сильно напоминал Дон Кихота. Вплоть до клочковатой бородки. Единственное отличие заключалось в сорочке, которая у него была расстегнута чуть не до пупка. А еще в сигарете, которую он небрежно держал в костлявых пальцах.

Как и подобает, с ним был лысеющий Санчо Панса, с маниакальным упорством записывающий что-то в блокнот, а также пышногрудая голландка тридцати с небольшим лет. Дульсинея?

С первого момента собеседования стало ясно, что Франсуа имеет предубеждение против американцев. Он взваливал на них вину за все недуги современного человечества – от радиоактивных отходов до повышенного холестерина.

Француз с самым недружелюбным видом обрушил на меня град вопросов, на которые я поначалу отвечал как вежливый человек и профессионал. Но когда стало ясно, что конца этому не будет, я стал язвительно огрызаться, мысленно гадая, когда ближайший рейс на Чикаго.

Прошел целый час, а господин Пелетье все продолжал выпытывать у меня микроскопические детали моей биографии. Например, его интересовало, почему во время войны во Вьетнаме я не сжег свою повестку.

В ответ я спросил, сжег ли он *свою*, когда французы воевали там до нас.

Он быстро сменил тему, и мы продолжили нашу пикировку.

– Скажите, доктор Хиллер, вы знаете, где находится Эфиопия?

– Вы подвергаете сомнению мою эрудицию, доктор Пелетье?

– А если я вам скажу, что трое других американцев, с которыми я проводил собеседование, полагали, что эта страна расположена в Южной Америке?

– Я отвечу, что вам попались кретины. И не нужно было тратить на них время.

– Согласен с обоими утверждениями.

Он вскочил и зашагал по комнате. Потом так же резко остановился, развернулся и выпалил:

– Представьте на минуту, что вы находитесь в убогом полевом госпитале, в дебрях Африки, за многие мили от любого из тех мест, которые у вас ассоциируются с цивилизацией. Как бы вы в такой ситуации сохранили ясность рассудка?

– При помощи Баха, – не моргнув глазом ответил я.

– Что, что?

– Иоганна Себастьяна. Или любого из его родственников. Я всегда начинаю день с пятидесяти отжиманий, пятидесяти приседаний и двух-трех бодрящих прелюдий и фуг.

– Ах да! Из вашего досье мне известно, что вы неплохо музицируете. К несчастью, в списке оборудования для наших госпиталей рояли не числятся.

– Это не страшно. Я с таким же успехом умею играть мысленно. У меня есть портативная клавиатура, я могу взять ее с собой. От нее никакого шума, зато она позволит мне сохранить гибкость пальцев и душевный покой.

Впервые за все утро мне, кажется, удалось произвести короткое замыкание в этой сети антагонизма. Какой камень он теперь в меня зашвырнет? Я был весь начеку.

– Ну что ж, – вслух рассуждал Пелетье, оглядывая меня с головы до ног, – пока что вы держались молодцом.

– Вас это как будто огорчает?

Франсуа уставился на меня в упор и с сомнением произнес:

– А как насчет антисанитарии? Голода? Страшных болезней?

– Я год проработал в приемном отделении. Думаю, меня уже не удивить никакими медицинскими ужасами.

– А проказа? Оспа?

– Должен признаться, в Мичигане я ни одного такого случая не встречал. Вы что, задались целью меня отговорить?

– В каком-то смысле, – признался он, заговорщицки нагнувшись и выпустив мне в лицо отвратительное облако дыма. – Потому что если вы в конечном счете сломаетесь, то лучше сделать это здесь, чем в Африке.

Вдруг подала голос голландка:

– Объясните, почему вы решили ехать в страны «третьего мира», вместо того чтобы посещать больных на дому где-нибудь на Парк-авеню?

– А желание помогать людям вы в счет не берете?

– Ну, это очень банальный ответ, – заявил Санчо Панса, предварительно законспектировав мои слова. – Может, придумаете что-нибудь пооригинальнее?

Я начал терять терпение. И самообладание.

– Сказать по правде, вы меня разочаровали. Я думал, что в «Медсин Интернасьональ» работают сплошные альтруисты, а не такие прожженные циники и зануды.

Троица обменялась взглядами, после чего Франсуа Пелетье опять повернулся ко мне и в лоб спросил:

– А как насчет секса?

– Ну, Франсуа, не здесь же... Не при всех, – огрызнулся я. Мне уже было все равно, что они решат.

Его клеветы расхохотались. И сам Франсуа тоже.

– Ну вот, Мэтью, вы ответили и на другой крайне важный для меня вопрос. С чувством юмора у вас все в порядке. – Он протянул руку. – Добро пожаловать в команду.

К этому моменту я уже и сам не был уверен, что хочу быть в этой команде. Но, вспомнив, в какую даль мне пришлось лететь и через какое унижение пройти, я решил принять предложение. По крайней мере, не отвергать его с порога. Утро вечера мудренее.

Трехнедельная подготовка к поездке в Эритрею должна была начаться через день. Так что у меня было сорок восемь часов, чтобы насладиться красотами Парижа.

Я въехал в ночлежку на Левом берегу, снятую организаторами для кандидатов на поездку, и сразу решил, что она не лишена колорита. Это был клоповник, из тех, где каждая комната представляет собой воплощенное убожество (в том, что обстановка одинаково обшарпана во всех номерах, у меня сомнений не было), а каждая кровать издает страшный скрип. У меня мелькнула мысль, что Франсуа нарочно решил закалить нас перед грядущими испытаниями.

Мой брат Чаз говорил мне, что в Париже, даже если постараться, не найти плохой еды, и оказался совершенно прав. Я питался в заведении под названием «Ле Пти Зэнк», где на первом этаже надо было выбрать себе экземпляр из всевозможных экзотических ракообразных, а потом тебе его подавали наверх. Если бы у меня хватило смелости поинтересоваться названием тварей, которых я поедал, я, вероятно, не получил бы от них такого удовольствия.

Следующие два дня оказались настоящим шоком для моего организма. Задаться целью осмотреть художественные сокровища Парижа за такое короткое время – все равно что попробовать одним махом заглотить слона. Но я приложил к тому максимум усилий. С рассвета до поздних сумерек я каждой порой вбирал в себя этот волшебный город.

После того как меня выставили из Лувра, с тем чтобы сразу запереть музей на ночь, я наскоро перекусил в каком-то бистро по соседству и пешком побрел по бульвару Сен-Мишель, пока не оттоптал ноги настолько, что был не в силах больше куда-нибудь двигаться, как только вернуться в компанию тараканов в своей комнате.

Стоило мне присесть – кажется, впервые за весь день, – и я окончательно сломался перед разницей во времени, преследовавшей меня с самого прибытия.

Не разуваясь, я рухнул на кровать и моментально погрузился в постпарижскую кому.

Естественно, я в точности помню эту дату: 3 апреля 1978 года. Начался этот день, впрочем, как все другие: я побрился и принял душ, выбрал свою самую крутую рубашку (голубой батник с коротким рукавом), после чего направился на улицу де Сен-Пэр, где меня ожидал первый день подготовки к операции «Эритрея».

Ко мне уже вернулась уверенность в себе, я снова знал, чего хочу, и был готов ко всему.

Только не к ожидавшей меня засаде эмоционального свойства.

Большинство моих товарищей уже были в сборе и непринужденно общались за чашкой кофе. Франсуа Пелетье, делая короткие перерывы между затяжками, познакомил меня с четырьмя кандидатами-французами (одна из которых была очень симпатичная девушка), двумя голландцами (у одного на голове была большая шляпа, ему предстояло проводить основную часть анестезии – только не спрашивайте меня, какая тут связь).

И с Сильвией.

У меня перехватило дыхание. Это была поэма без слов.

Все в этой девушке было прелестно. Сильвию можно было назвать антиподом Медузы: та была столь страшна на вид, что одним взором обращала все живое в камень – тут от одного взгляда ты превращался в желе.

Девушка была в джинсах, тонком свитере и без всякой косметики. Длинные черные волосы собраны сзади в конский хвост. Но этой простотой вряд ли можно было кого-то обмануть.

– Не делай поспешных выводов из ее внешности, – предостерег Франсуа. – Сильвия – искусный диагност, поэтому я взял ее, невзирая даже на то, что дед у нее был фашист, а отец всеми силами способствует распространению рака легких.

– Добрый день, – выдавил я, хватая ртом воздух. – Грехи ее деда я еще могу понять, но в чем заключается канцерогенность ее отца?

– Все очень просто, – усмехнулся Франсуа. – Его фамилия – Далессандро.

– Владелец «ФАМА»? Итальянского автомобильного концерна?

– Вот именно. Главный загрязнитель шоссе и прочих дорог. Не говоря уже о вредных отходах их производства... – Франсуа произносил это с каким-то извращенным восторгом.

Я взглянул на девушку и спросил:

– Он меня опять разыгрывает?

– Нет, все правильно. Обвинение обоснованно, – призналась она. – Прошу обратить внимание, что наш апостол Лука забыл упомянуть, что мой экологически грешный отец в войну воевал на стороне американцев. А вы сами откуда, Мэтью?

– По случайному совпадению, из еще одной столицы автомобилестроения – Диборна, штат Мичиган. Только моя фамилия не Форд.

Франсуа, показывая на меня пальцем, шутливо предостерег:

– Между прочим, Сильвия, с этим типом надо держать ухо востро. Это он только притворяется таким простачком с крестьянской фермы. А на самом деле он профессиональный пианист и владеет итальянским.

– Правда? – Она взглянула на меня с уважением.

– Ну, до вашего английского мне очень далеко. Но когда вы всерьез занимаетесь музыкой, итальянский вам просто необходим.

– *Un amante dell'opera*? Вы любите оперу? – живо спросила она.

– Да. А вы?

– Безумно! Если вы родились в Милане, то неизбежно будете сходить с ума по двум вещам – футболу и опере. *La scalciata* и *La Scala*.

– И *la scallorina*¹, – добавил я, гордый своей эрудицией.

В этот момент Франсуа прорычал:

– А теперь все займите свои места и закройте рот! Коктейль будет позже.

Разговор моментально стих, и мысли присутствующих сосредоточились на медицине. Все расположились как кому удобнее. Сильвия и еще двое сели прямо на пол, по-турецки.

– Позвольте вас сразу предостеречь, – с места в карьер начал Франсуа. – Если кто-то еще не успел возненавидеть меня всей душой, то это наверняка произойдет к концу первой недели нашей работы в поле. Там будет очень жарко и опасно. И все время на нервах. В таких условиях вам еще бывать не приходилось. Эфиопия и до гражданской войны входила в число беднейших стран мира, с годовым доходом девяносто долларов на душу населения. Народ там живет в условиях постоянного голода, усиливаемого нескончаемой засухой. Это подлинный кошмар.

Он перевел дух и сказал:

– А теперь, как и подобает, начнем с чумы.

Проект номер 62 организации «Медсин Интернасьональ» был запущен.

Судя по всему, в том, что касается женщин, я испытываю комплекс киноперсонажа Гручо Маркса, которому открывают двери там, куда он вовсе и не рвется. Стоит какой-нибудь

¹ Эскалоп (*um.*).

особе противоположного пола проявить ко мне маломальский интерес, как я пускаюсь в бегство. Так случилось и в Париже в то утро.

Но, конечно, не с Сильвией, а с Дениз Лагард.

Это была бойкая остроумная докторша из Гренобля с впечатляющим «балконом» – как живописно выражаются французы. (Поразительно, как быстро набираешься полезных словечек!) В любой другой ситуации она показалась бы мне исключительно аппетитной.

Ужинать мы все отправились в какой-то ресторан, где подавали – хотите верьте, хотите нет – более двухсот сортов сыра. В обычных обстоятельствах я бы сейчас пребывал в гастрономическом раю. Но в тот вечер мои вкусовые рецепторы, как и все прочие органы чувств, совершенно одеревенели. Слишком сильным оказалось первое впечатление, произведенное на меня Сильвией.

Дениз ухитрилась сесть рядом со мной и, не смущаясь, двинулась в атаку. Через три часа, попивая кофе, она с беззастенчивой откровенностью объявила:

– Мэтью, я нахожу тебя крайне привлекательным.

Я отреагировал ответным комплиментом, надеясь, что это не заведет меня туда, куда, несомненно, должно было завести.

– Хочешь, я покажу тебе Париж?

К несчастью, ответил я неудачно:

– Спасибо, я его уже видел.

Она все поняла, и у меня появился первый враг.

Сильвия никогда не бывала одна. Подобно персонажу известной сказки, она всюду появлялась в сопровождении вереницы поклонников и прихлебателей обоего пола.

И я быстро понял, насколько плотно ее опекают. В самом зловещем смысле.

В ту пятницу я пришел на лекцию рано. Взглянув от нечего делать в окно, я заметил Сильвию, она грациозно прошагала по тротуару и вошла в здание. Любуясь ею, я вдруг заметил, что в дополнение к обычной свите метрах в ста сзади за ней следует огромный, похожий на шкаф тип средних лет. У меня появилось пугающее ощущение, что он ведет за ней слежку. Конечно, это мог быть и плод моего воображения, поэтому сразу я ей ничего не сказал.

Получасовой перерыв на обед мы (согласен, не слишком по-французски) проводили тут же, поглощая свои сэндвичи-багеты. Сильвия вышла на улицу, чтобы купить газету. За несколько минут до начала следующей лекции я увидел, как она возвращается. В десятке метров от нее торчал тот же дядька, напряженно следивший за ней взглядом.

Теперь я точно знал, что ничего не придумываю, и решил ее предостеречь.

После занятий, когда мы дружной стайкой вернулись в свой «Термит-Хилтон», как мы окрестили ночлежку, я бесстрашно спросил у Сильвии, не откажется ли она пропустить со мной по стаканчику и переговорить по одному конфиденциальному вопросу.

Она ответила дружелюбным согласием, и мы отправились в небольшой винный погребок по соседству.

– Итак? – улыбнулась она, глядя, как я втискиваюсь в тесную кабинку с бокалом белого вина в каждой руке. – В чем дело?

– Сильвия, я не сомневаюсь, что у тебя этот вечер уже распланирован. Поэтому буду краток. Не хочу тебя расстраивать... – Я колебался. – Но мне кажется, за тобой кто-то следит.

– Я знаю. – Она нисколько не удивилась.

– Знаешь?

– За мной всегда следят. Отец боится, как бы со мной чего не случилось.

– Иными словами, этот тип – твой телохранитель?

– В некотором роде. Но я предпочитаю думать о Нино как о моем добром волшебнике. Ты не думай, папа у меня не сумасшедший. Мне горько это говорить, но причины у него достаточно веские... – Голос у нее дрогнул.

О господи! Я, кажется, наступил на большую мозоль. Я вдруг вспомнил, что ее мать много лет назад была похищена и убита. Я сам читал в газетах. Пресса кричала об этом по обе стороны океана.

– Ах ты, – смущенно пробурчал я. – Прости, что спросил. Мы можем вернуться к остальным.

– А куда нам спешить? Допьем лучше свое вино и немного посплетничаем. Ты следишь за чемпионатом НБА?

– Не очень внимательно. Ты же знаешь, ординатор каждую свободную минуту использует, чтобы поспать. А почему ты спросила?

– Понимаешь, «ФАМА» содержит собственную профессиональную команду в Европейской лиге. Каждый год мы вербуем игроков, вылетевших из НБА. Я думала, может, ты приметил одного игрока из «Детройт-Пистонс», в последнее время он немного сбавил, но, кажется, еще в состоянии пару сезонов продержаться в лиге пониже.

– Знаешь что? Я проконсультируюсь у специалиста. Когда стану писать своему брату Чазу, спрошу его. Он на спорте просто помешан.

– Вот чего мне будет не хватать в Африке! Всякий раз, как наши ребята играли в Англии, отец прилетал и брал меня на игру.

– А между матчами ты в Англии чем занималась?

– После смерти матери я там училась без малого десять лет. И медицинский диплом получила в Кембридже.

– Ага, вот откуда у тебя это потрясающее произношение. А какая у тебя врачебная специальность?

– Пока не решила. Но думаю, что-нибудь вроде детской хирургии. Это будет зависеть от того, какие у меня руки – что я и намерена выяснить. А ты?

– Ну, поначалу меня тоже манил скальпель. Но я совершенно уверен, что через несколько лет этот инструмент отойдет в прошлое и все будет делаться посредством генных технологий. Именно этим я и хотел бы в конце концов заняться. Так что после Африки пойду изучать что-нибудь вроде микробиологии. А пока я весь в предвкушении нашей поездки. А ты?

– Вообще-то, только это между нами, я иногда сомневаюсь, что у меня получится.

– Не волнуйся. Если учесть, сколько факторов было против тебя, я уверен, что Франсуа не стал бы тебя брать, если бы не считал, что ты справишься.

– Надеюсь, – едва слышно сказала она. В голосе все еще слышалась неуверенность.

И я вдруг почувствовал, что под этой безупречной внешностью кроется сомневающаяся натура. Было приятно знать, что ничто человеческое ей не чуждо.

На выходе из бистро я заметил Нино, торчащего возле парковки. Он делал вид, что читает газету.

– А кстати, Сильвия, он и в Эритрею с тобой полетит?

– Нет, слава богу. Вообще-то мне впервые придется по-настоящему позаботиться о себе самой.

– Что ж, если тебя это утешит, можешь сообщить своему отцу, что я стану тебя оберегать.

По ее лицу было видно, что она благодарна мне за эти слова. Сильвия улыбнулась мне, и моментально все мои усилия не влюбиться пошли прахом.

2

Подходила к концу вторая неделя наших занятий. Я узнал, что в Парижской опере дают спектакль, который бывает только раз в жизни. Легендарная Мария Каллас будет в последний раз петь Виолетту в «Травиате». Я твердо решил не упустить свой шанс. Это, конечно, было ребячество, но я сослался на недомогание и отпросился с семинара, чтобы отстоять очередь за входными билетами.

Надо ли говорить, что таких желающих послушать Каллас в Париже и окрестностях было хоть отбавляй. Передо мной оказалось столько народу, что их с лихвой хватило бы, чтобы заполнить театр до отказа. Однако я напомнил себе, что всегда вел жизнь праведника и если моя добродетель заслуживает хоть какого-то вознаграждения, то почему бы этому не случиться теперь.

Мои безмолвные мольбы были услышаны. Около половины седьмого, когда очередь продвинулась на каких-то двадцать шагов и дела казались безнадежными, меня окликнул женский голос:

– Мэтью, ты ведь, кажется, себя плохо чувствовал?

Взят с поличным! Обернувшись, я увидел, что со мной говорит не кто иной, как сама Первая Красавица.

Сильвия изменила своей обычной строгой прическе и распустила волосы. Волосы каскадом падали ей на плечи. На ней было простое черное платье, открывавшее куда большую часть ее ножек, нежели неизменные джинсы. Короче говоря, она была ослепительна.

– Со мной полный порядок, – объяснил я. – Не мог же я пропустить Каллас! Но в любом случае я наказан за прогул: не похоже, чтобы я попал на спектакль.

– Тогда идем со мной. Фирма моего отца держит здесь ложу, а сегодня я в одиночестве.

– Вот было бы здорово! Но ты уверена, что я одет подобающим образом? На твоём фоне... – Я показал на свою потрепанную джинсовую рубашку и вельветовые штаны.

– Мэтью, тебе же не на сцену выходить! Тебя никто, кроме меня, не увидит. Идем, а то увертюру пропустим!

Она взяла меня за руку и повела через толпу возбужденных соперников, не доставших билета, и дальше, по знаменитой мраморной лестнице. У меня захватило дух от сводчатого фойе, выполненного в красном, голубом, белом и зеленоватом камне, похожем на мрамор.

Мои опасения подтвердились: во всем театре я оказался единственным мужчиной без смокинга или фрака. Но я утешил себя тем, что невидим. То есть – кто бы стал смотреть на меня, когда рядом находилась Венера Миланская?

Служитель в униформе провел нас по опустевшему коридору к входу в ложу, обитую алым бархатом. Мы смотрели сверху на переполненный зал, на высоченный свод авансцены. В центре зала с окаймленного позолотой потолка, расписанного самим Шагалом, свисала на цепях легендарная театральная люстра. Сюжетами росписи служили сцены самых знаменитых оперных и балетных спектаклей с явным преобладанием влюбленных пар.

Где-то внизу оркестранты настраивали инструменты, и я ощутил себя поистине на небесах. Мы заняли два передних кресла, в ложе для нас была приготовлена небольшая бутылка шампанского. Я вспомнил навыки, приобретенные за годы работы официантом, и наполнил наши бокалы, не пролив ни капли. После чего провозгласил подобающий моменту тост.

– За тех, кому я обязан этим спектаклем! – начал я. – За Миланский автомобильный завод и ближайших родственников его руководства.

Она рассмеялась, оценив шутку.